

О ВОЗМОЖНОМ НЕУЧТЕННОМ ПРЕТЕКСТЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»

ALLA S. STEPANOVA

ON THE POSSIBLE UNKNOWN PRETEXT OF "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"

Творчество Ф. В. Булгарина, которое лишь сравнительно недавно стало активно изучаться, включает в себе перспективы для филологических исследований. В частности, исследуются интертекстуальные связи произведений Булгарина и писателей-современников, что дает возможность уточнить его вклад в историю русской литературы, поставить вопрос о его влиянии на литературный процесс. Наше внимание привлекла повесть Булгарина «Бедный Макар» (1825), которая рассматривается в данной статье в качестве возможного претекста такого классического произведения, как роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Этот случай довольно любопытен, поскольку при сопоставлении элементов нарративной структуры двух произведений обнаруживается ряд сходств (совпадения отмечаются на уровне организации повествования, фабулы, отдельных образов и мотивов), тем не менее это не позволяет однозначно решить вопрос об интертекстуальной связи. Дело не только в сложной истории взаимоотношений Пушкина и Булгарина (в свое время Булгарину пришлось оправдываться, будучи обвиненным Пушкиным в плагиате): различие жанрового, смыслового и содержательного потенциала двух произведений также очевидно. Повесть «Бедный Макар» — попытка создания исторического повествования, построенная на соединении разнородных литературных клише (как и «Капитанская дочка»), однако автору не удалось использовать данный прием органично, о чем нагляднее всего свидетельствует нарушенная композиция. В 1830 г. Булгарин без изменений включил повесть в свое собрание сочинений: в ее художественных достоинствах он был уверен.

Ключевые слова: Ф. В. Булгарин; «Бедный Макар»; А. С. Пушкин; «Капитанская дочка»; интертекст.

The author argues that Thaddeus V. Bulgarin's art, which only recently began to be actively studied, is promising for literary research. In particular, the intertextual connections of Bulgarin's works and contemporary writers are investigated; it gives a possibility to clarify his contribution to the history of Russian literature, to raise the question of his influence on the literary process. The article concentrates on Bulgarin's story "Poor Makar" (1825), which is considered to be a possible pretext of such a classic work of Russian literature as the novel "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin. This case is rather curious, since when comparing the elements of the narrative structure of these two works, a number of similarities can be found. The coincidences are noted at the levels of the narration, plot, particular images and motives. Nevertheless, all these similarities do not allow to unambiguously resolve the issue of intertextual connection. The point is not only in the complex history of the relationship between Pushkin and Bulgarin (there was a case, when Bulgarin had to make excuses, being accused by Pushkin of plagiarism), but the difference in the genre, semantics and content of the two works. "Poor Makar", as well as "The Captain's Daughter", is an attempt to create a historical narrative, built on the combination of heterogeneous literary clichés, but Bulgarin, as evidenced by the broken composition, had failed to use this technique organically. In 1830 Bulgarin included the story without changes into his "Collected Works"; it means that he was sure of its artistic merit.

Keywords: Thaddeus V. Bulgarin; "Poor Makar"; A. S. Pushkin; "Captain's Daughter"; intertext.

**Алла Сергеевна
Степанова**

Кандидат филологических наук,
заведующая отделом классической
литературы

► allastepanova@yandex.ru

Издательская группа «Азбука-Аттикус»
Санкт-Петербург, Воскресенская наб., 12

Alla S. Stepanova

Azbooka-Atticus Publishing Group
191 123, St. Petersburg, Voskresenskaja emb., 12

Творческое наследие Ф. В. Булгарина в последнее время все больше привлекает внимание исследователей, но по-прежнему остается недостаточно изученным. К числу наиболее актуальных относится вопрос о месте Булгарина в литературном процессе — о его возможном влиянии на развитие тех или иных тенденций, жанров, тем, сюжетов и т. д., а также об интертекстуальных переключках с писателями первого ряда. Объективно оценить роль Булгарина в истории русской словесности довольно сложно из-за его негативной репутации, — об этом писалось уже неоднократно.

В одной из недавних статей, посвященных Булгарину, речь идет о его повести «Бедный Макар, или Кто за правду горой, тот истый ирой» (1825). По мнению К. А. Баршта, повесть послужила претекстом романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1844–1845, опубл. 1846): именно Булгарин, а не Достоевский стал первым разрабатывать «механизм повествования, основанный на эффекте неумелого, „наивного рассказчика“»; в повести же «Бедный Макар» эта нарративная модель, когда авторское слово передоверено непрофессиональному, простодушному рассказчику, «достигла расцвета» и «оказалась приемлемым подспорьем для начинающего Достоевского. Можно предположить, что Макар из „Бедного Макара“ Ф. В. Булгарина предтеча не только Макара Девушкина, такого же тихого и всеми презираемого домашнего философа, но ряда таких же героев-философов Достоевского в более поздний период творчества» [Баршт 2019: 274, 277–278]. Однако Достоевский переосмысливает счастливый финал в повести Булгарина, отвергая «любимую булгаринскую фавулу о „награждении добродетели“» [Там же: 280].

Идея исследовать влияние нарративных стратегий в произведениях Булгарина на поэтику романа «Бедные люди» представляется нам чрезвычайно перспективной и в будущем заслуживающей рассмотрения. Действительно, экспериментируя с образом рассказчика, он нередко строил повествование от лица кого-то из персонажей, и не только в форме записок, но и в эпистолярном жанре, и можно предположить, что его опыт получил качественно новое продолжение у Достоевского. В отличие от писателей натуральной школы, Булгарин не был сосредоточен на интересе исключительно к городским низам.

В его произведениях рассказчиками могли выступать и бедный чиновник, и подьячий, и провинциалка-дворянка, и гувернер-француз или, например, турецкий философ¹ — словом, герои, занимающие разное положение на социальной лестнице. Тем не менее, в целом стилистически выдержанная, речь ни одного из них не производила того эффекта, которого удалось добиться Достоевскому: повторы, оговорки, самоперебивы и прочие приметы «непрофессионального» письма становятся проявлениями «корчащегося слова с робкой и стыдящейся оглядкой и с приглушенным вызовом» [Бахтин 2019: 310].

На наш взгляд, проецируя находки Булгарина на роман «Бедные люди», следует по крайней мере расширить круг его текстов, в которых повествование строится от первого лица, проанализировать их язык и стиль. Во-первых, герой повести «Бедный Макар» — не «вечный титулярный советник», снижавший популярность в литературе 1830–1840-х гг.: здесь Булгарин обращается к другой исторической эпохе и к другому типу героя. Его Макар окончил кадетский корпус и начал свою карьеру в армии в чине поручика, участвовал в битве при Очакове (1788), затем, выйдя в отставку, стал сотрудником журнала и лишь потом получил место уголовного судьи в провинции, где счастливо женился. Все эти события относятся ко времени правления Екатерины II, которая в финале повести наконец вознаграждает Макара за службу и повышает в чине. Герой вспоминает о своей молодости с высоты прожитых лет, и эта дистанция тоже имеет значение: он уже не «равен» самому себе и не беден, что и заявлено в начале: «Мы живем в век биографий и записок (mémoires), сказал один журналист... В самом деле, ныне не только люди знаменитые, но даже их лакеи и поваренки издают свои записки, а биографическим лексиконам нет конца. <...> Жаль только, что эта мода не существовала тогда, как я был беден: тогда бы я составил из жизни моей по крайней мере несколько томов. Но теперь я богат, толст, в летах, и потому пишу жизнь мою на нескольких страничках, и то в свое собственное удовольствие» [Булгарин 1830: 111–112]². А во-вторых, булгаринского Макара, конечно, трудно назвать непрофессиональным рассказчиком: он человек не только литературно одаренный, но и разбирающийся в литературе, на чем и построен фрагмент

о сотрудничестве в журнале (в отличие от многих, он сумел предвидеть славу Державина и Фонвизина). И даже по приведенной выше цитате можно сказать, что он хорошо знает литературный контекст и понимает, какое место его воспоминания занимают в общей массе изданий.

Наше внимание повесть Булгарина привлекла в связи с другим классическим произведением русской литературы — «Капитанской дочкой» А. С. Пушкина (1836). Итак, мы уже отметили, что основные события повести «Бедный Макар» разворачиваются в конце XVIII в.; повествование идет от первого лица, но рассказчик вспоминает о событиях своей молодости, — таким образом возникает эффект повествовательной «рамки», у героя есть возможность осмыслить прошлое, дистанцироваться от него. Помимо этого, есть и более существенные совпадения, сближающие повесть «Бедный Макар» и «Капитанскую дочку»: и у Булгарина, и у Пушкина сюжет основан на нравственном выборе, который приходится совершать герою. Булгаринский Макар неоднократно выполняет наставление отца «Говори правду, всегда и везде». Петруша Гринев у Пушкина тоже следует отеческому наставлению «...береги платье снову, а честь смолоду» [Пушкин 1978: 262]³, частично эта пословица вынесена в эпиграф («Береги честь смолоду»). Обозначив нравственную коллизию, и Булгарин, и Пушкин проводят своих героев через серию испытаний, которые те достойно выдерживают. В финале «Бедного Макара», как и в «Капитанской дочке», появляется Екатерина II, вершительница справедливости, и герой счастливо женится.

Кстати, в обоих произведениях понятия «правда» и «честь» оказываются близкими, тесно взаимосвязанными. Так, Петруша Гринев, всякий раз, когда решается его участь, говорит правду (перед Пугачевым или перед судьями): «Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду»; «Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решил перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным». Макар ради правды готов отказаться от выгоды и личного

счастья: «То, что вы мне предлагаете, я готов купить ценою моей жизни — но не чести».

Можно заметить и сходство отдельных образов и деталей. Например, отец болгаринского Макара «был капитаном в гренадерском полку во время Турецкой войны, конченной со славою надначальством Румянцева-Задунайского», но, получив серьезные ранения, вышел в отставку с повышением чина; отец Гринев «в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году». Слуга Филипов, которого отец Макара ласково называет Филипычем, беззаветной преданностью своим господам напоминает Савельича — слугу Петруши Гринев. Жилище отца Макара и капитана Миронова украшают изображения битв, в которых им доводилось участвовать: «...над софюю... приклеен был эстамп, признаться, очень дурной гравировки, изображающий Кагульскую битву, а внизу портрет фельдмаршала Румянцева, в черных деревянных рамках без стекла» («Бедный Макар»); «...на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова...» («Капитанская дочка»). Маша Миронова вручает Гриневу шпагу; при известии о награждении Макара государыней, его невеста «сама привязала кресты» к его мундиру. У Булгарина государыня благодетельствовала бедного сироту Макара, не только наградив его орденами, но и пожаловав «повышением чина и прибавкою двойного жалованья»; в «Капитанской дочке» она «устраивает состояние» бедной сироты Маши Мироновой.

Интересен и культурный фон, отчасти совпадающий в двух произведениях. В этой связи ограничимся следующими наблюдениями. 1) «Охота к литературе» пробудилась и в Петруше Гриневе, скучающем в Белогорской крепости: «Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны», — оценивает свое творчество герой, ссылаясь на мнение Сумарокова; болгаринский же Макар явно невысокого мнения и о Сумарокове, и о Хераскове («Публика наша еще была неопытна в суждениях: Сумарокова ставили наравне с Ломоносовым, поэмы Хераскова почитали выше „Илиады“...»), пушкинский издатель использовал отсылки к их творчеству в эпиграфах⁴. 2) Кроме светской литературы, и Булгарин, и Пуш-

кин привлекают фольклорный материал. В повести Булгарина это солдатская песня «Наши в поле не робеют...»⁵ и получившая широкое распространение «солдатская» песня «Мы тебя любим сердечно...» из комической оперы М. М. Хераскова «Добрые солдаты»⁶, — их поет отставной солдат Филипов. В «Капитанской дочке» Пушкина, в значительно большей мере ориентированной на фольклорный контекст, два эпиграфа отмечены как солдатские песни. 3) Макар, всегда и везде говорящий правду, вынужден оставить журнальную деятельность: «Меня огласили литературным еретиком»; занятия литературой приводят Петрушу Гринева к конфликту со Швабриным, и комендант крепости «дружески советовал... оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее».

В подобных случаях, когда фабулы двух произведений поддаются «совместному пересказу» [Степанов 2017: 304–318], а сходство тех или иных деталей поддерживает гипотезу об интертекстуальной связи, неизбежно возникает вопрос о знакомстве автора произведения, написанного или опубликованного позднее, с произведением, созданным раньше по времени. Прямыми свидетельствами о знакомстве Пушкина с повестью «Бедный Макар» мы не располагаем. Тем не менее известно, что Пушкин читал сочинения Булгарина и выступал с их критикой. В личной библиотеке поэта был номер журнала «Северный архив» (1825. № 23. С. 277–305) с первой публикацией повести «Бедный Макар» [Модзалевский 1910: 134] (позднее, при жизни Пушкина, Булгарин включил ее в свое собрание сочинений 1830 г.), — для нас это служит косвенным подтверждением того, что Пушкин мог ее читать, но решающего значения не имеет. И потому характер интертекстуальной связи нуждается в уточнении.

В повести «Бедный Макар» выявляются те же нарративные стратегии, которые действуют в «Капитанской дочке» и которые становились предметом ряда исследований. В первую очередь это облаченное в мемуарную форму построение сюжета по модели волшебной сказки. Элементы волшебного-сказочного сюжета в «Капитанской дочке» были подробно рассмотрены И. П. Смирновым [Смирнов 1972: 284–320] — отеческий наказ (запрет), отъезд из дома, серия испытаний, волшебные помощни-

ки, антагонисты, завоевание невесты; они присутствуют и в сюжете «Бедного Макара». Однако если у Пушкина сказочная структура «обнажена» (например, правдивые ответы Гринева вознаграждаются Пугачевым), то у Булгарина вплоть до последнего испытания героя сохраняется эффект жизнеподобия: говоря правду, Макар каждый раз действует себе во вред, и только в финале эта установившаяся закономерность нарушается.

Нельзя не заметить и разницу в масштабе изображаемых событий. В «Капитанской дочке» судьба конкретного человека включается в широкое историческое повествование, в «Бедном Макаре» речь идет всего лишь о череде бытовых эпизодов с участием главного героя. У Пушкина испытания героя находятся в тесной событийной связи друг с другом, у Булгарина это самостоятельные эпизоды, объединенные общей темой (правдивому человеку в жизни приходится нелегко): неудачи преследуют героя и в кадетском корпусе, и на войне, и на литературном поприще, и на штатской службе, и среди них нельзя выделить более значимое или ключевое событие. Кроме того, нравственный выбор булгаринского героя ни в одном из эпизодов не связан с ситуацией, когда он оказался бы между жизнью и смертью.

Таким образом, завязка и развязка «Бедного Макара» и «Капитанской дочки» действительно обнаруживают сходство (отставной офицер дает сыну наказ, представляющий собой моральную сентенцию; подобно *deus ex machina* появляется Екатерина II, и все заканчивается свадьбой), однако центральные эпизоды (или испытания) получают совершенно иное содержательное наполнение.

Автор «Бедного Макара», хотя и использовал исторический контекст, далек от интерпретации исторических событий, от их концептуального осмысления. И даже Очаковская битва (как и восстание Пугачева, важное событие истории) остается только поводом для воспоминаний о жизненных неудачах: «Не стану распространяться в описании различных случаев этой кампании, доставивших мне три раны, любовь солдат, уважение товарищей и собственную уверенность, что я исполнил долг свой, как следует русскому воину. Но награды пролетели мимо, вместе с теми пулями, которые в меня не попали». Очевидно, что Булгарин при-

держивается традиции дидактической повести, тогда как Пушкин в «Капитанской дочке» ориентируется на исторические романы Вальтера Скотта и создает «лучший русский вальтерскоттовский роман» [Альтшуллер 1996: 205].

Данное положение, в частности, подтверждает и ослабленная любовная линия в повести Булгарина, относящаяся только к последнему эпизоду, — в романах Скотта, напротив, любовь играет «определяющую роль», «она организует действие» [Там же: 16]. Испытание герою, теперь служащему в суде провинциального города, устраивает отец богатой невесты. В результате Макар женится на ней, как неожиданно выясняется, по большой любви: «Знайте же, сударь, что я люблю дочь вашу, люблю более моей жизни, но не променяю на нее моей чести и моего долга!» (для Гринева такого противопоставления — чести и любви — не существует).

Однако обращает на себя внимание довольно развернутая первая часть булгаринской повести, где речь идет о детстве героя, — и не только по сравнению с «Капитанской дочкой»: разница в темпе повествования ощущается внутри самой повести, ее неспешное начало заметно отличается от неожиданного финала. Но рассказчика эта явная композиционная диспропорция как будто не смущает: «Теперь одним скачком перейду к развязке». Возможно, Булгарин таким образом надеялся преодолеть строгую линейность повествования, разбив сюжет на отдельные эпизоды, постепенно ускоряя темп и изменив следование логике жизни на следование логике сказки. (Композиция «Капитанской дочки», по замечанию Ю. М. Лотмана, построена на симметрии эпизодов [Лотман 1995: 220].) А возможно, начало повести следует отнести к попытке создания исторического романа, который Булгарину удастся чуть позже (в 1829 г. будет написан «Димитрий Самозванец», в 1833–1834 гг. — «Мазепа»). Во всяком случае, такая заявка ощущается в начале повести: «...тогда бы я составил из жизни моей по крайней мере несколько томов» [Булгарин 1830: 112].

Интересно, что своего героя Булгарин наделяет автобиографическими чертами. Например, можно провести параллели между первой частью повести и соответствующими местами из его «Воспоминаний». Так, для отца Булгарина разлука с сыном, от-

данным (как и Макар) учиться в кадетский корпус, также оказалась губительной «и ускорила его кончину» [Булгарин 1846: 256]. И конечно, слова Макара о себе: «Меня огласили литературным еретиком, беспокойным, злым человеком, начали доказывать, что я не имею права судить о русской словесности, потому что моя бабушка родилась в трех верстах от прусской границы (а прадед воспитывался в Германии)» — можно напрямую отнести к самому автору. Здесь нет места иронии и самоиронии, присущих пушкинскому рассказчику.

Если записки пушкинского героя «предназначены только для собственной семьи и повествование приобретает тонкий, но ощутимый оттенок исповедальной непосредственности» [Маркович 2011: 32–33], то герой Булгарина пишет для печати, лиричность фрагмента, посвященного детству, сменяется открытой назидательностью и ура-патриотичностью финала.

Как бы то ни было, булгаринский текст не одномерен, в нем наблюдается попытка соединения разнородных жанрово-стилевых элементов, пусть и весьма далекая от пушкинских решений в «Капитанской дочке», где этот принцип позволил расширить смысловой потенциал повествования. Однако эта попытка могла привлечь внимание Пушкина как пример использования различных сюжетных клише, к которым он сам активно прибегал.

Итак, наличие общей фабульной схемы, схожесть нарративных стратегий, с одной стороны, позволяют выдвинуть предположение об интертекстуальной связи двух произведений. С другой стороны, «основной» сюжет материала для сопоставления не дает, за исключением некоторых любопытных деталей — и тут можно поставить вопрос об их репрезентативности для исторической прозы, но для ответа на него требуется самостоятельное исследование. Если же принять версию о том, что Пушкин был знаком с «Бедным Макаром» Булгарина, тогда нужно включить это сочинение в круг претекстов «Капитанской дочки» и говорить о заимствовании и трансформации мотивов и образов нравоучительной повести в пушкинском семейно-историческом романе, их переосмыслении и т. д. Однако сложная история взаимоотношений двух авторов, и в том числе прозвучавшие со стороны Пушкина

в адрес Булгарина обвинения в плагиате, заставляет отнестись к этой версии с большой осторожностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, «Отрывки из тайных записок станционного смотрителя на Петербургском тракте» (1831), «Ах, что ныне за время! (Письмо подьячего Задушатина из столицы к сердечному другу Цаццарапкину в провинцию)» (1827), «Письма провинциалки из столицы» (1830), «Отрывки из записок французского гувернера, находившегося в России» (1823), «Письмо турецкого философа Бубудулу-эфенди к приятелю своему Тютюнджи-эфенди из Европы в Смирну» (1832) и др.

² Здесь и далее цит. по: [Булгарин 1830: 111–144]. В свою очередь повесть Булгарина могла быть своеобразной репликой на комедию в одном действии П.Л. Яковлева «Бедный Макар» (1820), в которой изданные записки «какого-то старого подагрика, на шестидесятом году сделавшегося автором» [Яковлев 1820: 236], доставляют героям немало хлопот.

³ Здесь и далее цит. по: [Пушкин 1978: 258–370].

⁴ Эпиграф, приписанный Сумарокову, сочинен Пушкиным [Томашевский 1978: 539].

⁵ См. полный текст и комментарии: [Русская песня 2017: 593].

⁶ В опере песню исполняет хор солдат. См.: [Херасков 1782: 20].

ИСТОЧНИКИ

Булгарин Ф.В. Сочинения. Ч. V. Изд. 2-е, испр. СПб.: Типогр. А. Смирдина, 1830.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 1. СПб.: Изд. М. Д. Олехина, 1846.

Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978.

Херасков М. Добрые солдаты. Опера комическая. Изд. 2-е. М.: Университет. типогр., у Н. Новикова, 1782.

[Яковлев] П.Л. Бедный Макар. Комедия в одном действии // Благонамеренный. 1820. № 16. С. 230–244.

ЛИТЕРАТУРА

Альтшуллер 1996 — Альтшуллер М.Г. *Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов*. СПб.: Академический проект, 1996.

Баршт 2019 — Баршт К.А. О двух Макарах. Повествование в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и модель «простоты в происшествиях и рассказе» Ф.В. Булгарина. В кн.: Баршт К.А. *Достоевский: Этимология повествования*. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 269–282.

Бахтин 1995 — Бахтин М.М. *Проблемы творчества Достоевского*. СПб.: Азбука, 2019.

Лотман 1995 — Лотман Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочки». В кн.: Лотман Ю.М. *Пушкин*. СПб.: Искусство-СПб, 1995.

Маркович 2011 — Маркович В.М. История и современность в прозе Пушкина. В кн.: Пушкин А.С. *Повести Белкина*. СПб.: Азбука, 2011. С. 5–48.

Модзалевский 1910 — Модзалевский Б.Л. *Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание*. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1910.

Соболева Михайлова 2017 — *Русская песня и европейский роман в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох*. Соболева Л.С., Михайлова О.А. (сост.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017.

Смирнов 1972 — Смирнов И.П. От сказки к роману. В сб.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л.: Наука, 1972, (27): 284–320.

Степанов 2017 — Степанов А.Д. «Спящая красавица» сегодня: к вопросу о границах интертекстуального и мифопоэтического подходов. В кн.: *Die Welt der Slaven*. 2017. Jahrgang (2): 304–318.

Томашевский 1978 — Томашевский Б.В. Примечания. В кн.: Пушкин А.С. *Собр. соч.: В 10 т.* Т. 6. С. 511–559.

REFERENCES

Альтшуллер 1996 — Altshuller M.G. *Walter Scott's Epoch in Russia: Historical Novel of the 1830s*. St. Petersburg, 1996. (in Russian).

Баршт 2019 — Barsht K.A. On two Makars. Narration in the Novel “Poor People” by F. M. Dostoevsky and the Model of “Simplicity in Incidents and Stories” by Th. V. Bulgarin. In: Barsht K.A. *Dostoevskij: Etimologiya povestvovaniya*. St. Petersburg, 2019. P. 269–282. (in Russian).

Бахтин 1995 — Bakhtin M.M. *Problems of Dostoyevsky's Poetics*. St. Petersburg, 2019. (in Russian).

Лотман 1995 — Lotman Yu.M. The Ideological Structure of “The Captain's Daughter”. In: Lotman Yu.M. *Pushkin*. St. Petersburg, 1995. (in Russian).

Маркович 2011 — Markovich V.M. History and Modernity in Pushkin's Prose. In: Pushkin A.S. *Povesti Belkina*. St. Petersburg, 2011. P. 5–48. (in Russian).

Модзалевский 1910 — Modzalevskij B. L. *Biiblioteka A. S. Pushkina: Bibliograficheskoe opisanie*. SPb.: Tipogr. Imp. AN, 1910.

Соболева Михайлова 2017 — *Russian Song and European Lyrical Song in the Manuscript Collection of the Early 19th century: the Emotional Culture at the Turn of Epochs*. L.S. Soboleva, O.A. Mikhailova (comp.). Ekaterinburg, 2017. (in Russian).

Смирнов 1972 — Smirnov I.P. From Fair-tale to Novel. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1972, (27): 284–320. (in Russian).

Степанов 2017 — Stepanov A.D. “Sleeping Beauty” Today: the Question of the Boundaries of Intertextual and Mythopoetic Approaches. In: *Die Welt der Slaven* 2017. 62, (2): 304–318. (in Russian).

Томашевский 1978 — Tomashevskiy B. V. Notes. In: Pushkin A.S. *Sobr. soch.* In 10 vol., vol. 6. Leningrad, 1978. P. 511–559. (in Russian).